

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ПАРОДИИ

№

Б И Б Л И О Т Е К А
К Р О К О Д И Л А

185

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ПАРОДИИ

Иллюстрации КУКРЫНИКСЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Москва — 1958

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Григорьевич Архангельский	Стр. 3
Пародии	
П. Антокольский. Поэт	5
А. Жаров. Магдалиниада	7
В. Инбер. О Красной Шапочке	10
Б. Пастернак. Сроки	13
С. Кирсанов. Алэ-оп!	16
А. Прокофьев. Братеники	18
П. Радимов. Сморкание	20
М. Светлов. Лирический сон	21
И. Сельвинский. Йехали да йехали	24
Классики и современники	25
В. Шкловский. Сентиментальный монтаж	30
Толстый журнал	33
Тайна Арчибальда Функа	35
Последняя у попа жинка	35
Крутой замес	36
Прозрел	37
Мемуары	39
Гастроли Рифмача-Кудрявича	42
Эпиграммы	
Л. Кассиль	45
М. Шагинян	46
Б. Пастернак	47
Н. Тихонов	47
А. Безыменский	47
К. Зелинский	47
А. Луначарский	48
К. Станиславский	48

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ АРХАНГЕЛЬСКИЙ ПАРОДИИ

Редактор С. Швецов

Составитель Ф. Архангельская

А 03527. Тираж 120 000 экз. Издательский № 673. Заказ № 12.

Подп. к печ. 19/VI 1958 г. Объем 0,75 бум. л.—2,05 печ. л. Уч.-изд. л. 2,54.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Литературные пародии, вошедшие в настоящее издание библиотеки «Крокодила», принадлежат перу талантливому советского поэта-сатирика Александра Григорьевича АРХАНГЕЛЬСКОГО.

Большинство пародий было написано три десятилетия тому назад. Многие из них уже стали достоянием истории литературы, так как пародируемые в них авторы за это время существенно изменились; некоторые пародии не утратили своей злободневности и до наших дней. Но и те и другие представляют большой интерес как образцы весьма популярного в нашей литературе жанра.

Александр Архангельский ушел из жизни рано. Он умер в 1938 году, в расцвете своего таланта, после продолжительной и тяжелой болезни.

Родился Александр Григорьевич в 1889 году в г. Ейске, на Северном Кавказе, в семье мелкого служащего. Ранняя смерть отца, тяжелое материальное положение семьи, кормильцем которой был долгое время Александр Григорьевич, заставили его надолго оставить мечты о литературной деятельности. Он работал конторщиком, статистиком, служил в пароходстве.

В 1907 году за распространение революционных листовок царская охранка арестовывает А. Архангельского и заключает его в Ростовскую тюрьму, где он просидел более года.

Гражданская война. А. Архангельский становится советским журналистом, редактирует газеты. С 1922 года, после переезда в Москву, он регулярно сотрудничает в журнале «Крокодил»,

работает в «Крестьянской газете» и издававшемся в ту пору массовом сатирическом журнале «Лапоть». Здесь под псевдонимом «Архип» он печатает свои сатирические рассказы и стихотворные фельетоны.

В 1927 году в издании журнала «Огонек» выходит его первая книга литературных пародий. С тех пор этот жанр становится его основной писательской специальностью, которой он уже не изменяет до последних дней своей жизни.

Архангельского по праву называют лучшим советским пародистом. Мастер литературных пародий, он в совершенстве владел искусством «перевоплощения». Он тонко подмечал художественную манеру автора пародируемого произведения, его стилевые особенности и главное — его слабые стороны.

Александр Архангельский помогал строительству советской литературы. Он горячо и страстно боролся с проявлением всякого рода чуждых нашему искусству влияний, его волновали судьбы того или иного произведения, он никогда не был безразличен и к судьбе писателя.

Жестоко высмеивая в своих пародиях все враждебное и политически вредное, он дружески поправлял заблуждающихся писателей, сигнализировал им о промахах и срывах в их литературном творчестве.

Пародии А. Архангельского бичуют самоуспокоившихся, высмеивают зазнавшихся, разоблачают манерничающих, презрительно клеймят халтурщиков.

В пародиях А. Архангельского нет зубоскальства. Он не писал только ради того, чтобы посмеяться самому и посмешить других. Его смех учил. Учил литературному вкусу, учил серьезно и заботливо относиться к требованиям взыскательного и умного читателя.

Любовь к советскому искусству, к литературе рождала лучшие пародии Александра Архангельского, и в этом секрет их успеха. До сих пор молодо и задорно звучит жизнеутверждающий смех писателя-сатирика.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

ПОЭТ

Мать моя меня рожала туго.
Дождь скулил, и град полосовал.
Гром гремел. Справляла шабаш вьюга,
Жуть была, что надо. Завывал
Хор мегер, горгон, эриний, фурий,
Всех стихий полночный персимфанс,
Лысых ведьм контрданс на партитуре,
И, водой со всех сторон подмочен,
Был я зол и очень озабочен,
И с проклятьем прекратил сеанс,
И пошел я, мокрый, по Брабанту,
По дороге вешая собак.
Постучался в двери к консультанту
И сказал, поклон отвесив, так:
— Жизнь моя — комедия и драма,
Рампы свет и пукля парика.
Доннерветтер! Отвечайте прямо,
Не валяйте, сударь, дурака!
Что там рассусоливать и мямлить,
Извиняться за ночной приход!
Перед вами Гулливер и Гамлет,
Сударь, перед вами Дон-Кихот,
Я ландскнехтом жрал и куролесил,
Был шутком у Павла и Петра.
Черт возьми! Какую из профессий
Выбрать мне, по-вашему, пора?
И ответил консультант поспешно,
Отодвинув письменный прибор:
— Кто же возражает? Да. Конечно.
Я не спорю. Вы — большой актер.
Но не брезгуйте моим советом —
Пробирайтесь, гражданин, в верхи.
Почему бы вам не стать поэтом
И не сесть немедля за стихи?
Внял я предложенью консультанта.
Прошное! Насмарку! И на слом!
Родовыми схватками таланта
Я взыграл за письменным столом.

И пошла писать... Стихи — пустяк.
Скачка рифм через барьер помарок.
Лихорадка слов. Свечи огарок.
Строк шеренги под шрапнелью клякс.
Как писал я! Как ломались перья!
Как меня во весь карьер несло!
Всеми фибрами познал теперь я,
Что во мне поэта ремесло.
И когда уже чернил не стало
И стихиям делалось незмочь,—
Наползало. Лопалось. Светало.
Было утро. Полдень. Вечер. Ночь.
1931.

А. ЖАРОВ

МАГДАЛИНИАДА

И вот
Мне снится, снится
В тиши больших ночей
Лицо святой блудницы,
Любовницы моей.
(А. Жаров «Магдалина»)

Мне снится, снится, снится,
Мне снится чудный сон —
Шикарная девица
Евангельских времен.
Не женщина — малина,
Шедевр на полотне —
Маруся Магдалина,
Раздетая вполне.
Мой помутился разум,
И я, впадая в транс,
Спел под гармонь с экстазом
Чувствительный романс.
Пускай тебя нахалы
Ругают, не любя, —
Маруся из Магдалы,
Я втюрился в тебя!
Умчимся, дорогая
Любовница моя,
Туда, где жизнь другая, —
В советские края.

И там, в стране мятежной,
Сгибая дивный стан,
Научишь страсти нежной
Рабочих и крестьян.
И там, под громы маршей,
В сияньи чудном дня,
Отличной секретаршей
Ты будешь у меня.
Любовь пронзает пятки.
Я страстью весь вскипел.
Братишечки! Ребятки!
Я прямо опупел!
Я, словно сахар, таю,
Свой юный пыл кляня...
Ах, что же я болтаю!
Держите вы меня!

1926.

ВЕРА ИНБЕР

О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

У Красной Шапочки
Не ножки, а ноженьки,
Не ручки, а лапочки
Беленькой коженьки.

На щечке ямочка,
Ротик малюсенький.
Шапочку мамочка
Послала к бабуленьке.

Отправилась душечка,
Крошка манюнечка.
В лесу — избушечка,
В избушке — бабунечка.

— Бонжур, бабуленька!
Отчего твои глазики
Такие круглосенькие,
Как медные тазики?

Почему твоя рученька
Длинная, длинная?..
Бедная внученька,
Крошка невинная!

Волк отвратительный,
Сцапав в охапочку,
Скушал решительно
Красную Шапочку.

Деточки — крошечки
Мальчики — девочки,
Милые крошечки —
Верочки, Севочки!

Вы слышали драмочку
Про Красную Шапочку?
Слушайте мамочку!
Слушайте папочку!

1931.

Б. ПАСТЕРНАК

СРОКИ

Народ, как дом без кром...

.

Ты без него ничто.

Он, как свое изделие,

Кладет под долото

Твои мечты и цели.

(Б. Пастернак «Из летних
записок»).

На даче ночь. В трюмо
Сквозь дождь играют Брамса.
Я весь навзрыд промок.
Сожмусь в комок. Не сдамся.

На даче дождь. Разбой
Стихий, свистков и выжиг.
Эпоха, я тобой,
Как прачкой, буду выжат.

Ты душу мне потом
Надавишь, как пипетку.
Расширишь долотом
Мою грудную клетку.

Когда ремонт груди
Закончится в опросах,
Не стану разводить
Турусы на колесах.

Скажу, как на духу,
К тугому уху свесясь,
Что к внятному стиху
Приду лет через десять.

Не буду бить в набат,
Не поглядевши в святцы,
Куда ведет судьба,
Пойму лет через двадцать.

И под конец, узнав,
Что я уже не в шорах,
Я сдамся тем, кто прав,
Лет, видно, через сорок.

1936.

С. КИРСАНОВ

АЛЭ-ОП!

Торжествуя,
 зычные
Гудки
 ре-вут.
Ударники
 фабричные,
Вас
 зовут.
И я зову:
Асэ-е-ву!
Пролэтэр
 в литэратэр
 Эсэсээр!
Прежних дней
 каркасики
Сданы
 в ар-хив.
Маститые
 классики
В пыли —
 ап-чхи!
Я им
 могилу
 вырою —
Пожалте
 в гроб!
Я рифмами
 жонглирую —
Алэ-оп!

1933.

2. Библиотека «Крокодила» № 185. «Пародии».

А. ПРОКОФЬЕВ

БРАТЕНИКИ

Душа моя играет, душа моя поет,
А мне товарищ Пушкин руки не подает.
Александр Сергеич, брось, не форси!
Али ты, братеник, сердишься?

Чего ж ты мне, тезка, руки не подаешь?
Чего ж ты, майна-вира, погреться не идешь?
Остудно без шапки на холоде стоять.
Эх, мать, моя Эпоха, высокая Оять?

Наддали мы жару, эх, на холоду!
Как резали буржуев в семнадцатом году,
Выпустили с гадов крутые потроха.
Эх, Пиргал-Митала, тальянкины меха!

Ой, тырли-бутырли, эх, над Невой!
Курчавый братеник качает головой.
Отчаянный классик, парень в доску свой,
Александр Сергеич кивает головой.

Душа моя играет, душа моя поет.
Мне братеник Пушкин руку подает!

1933.

Павел РАДИМОВ

СМОРКАНИЕ

Ныне, о муза, воспой иерея — отца Ипполита,
Поп знаменитый зело, первый в деревне

сморкач.

Утром, восставши от сна, попадьё на перине

покинув,

На образа помолясь, выйдет сморкаться на

двор.

Правую руку подняв, растопыривши веером

пальцы,

Нос волосатый зажмет, голову набок склонив,

Левою свистнет ноздрей, а затем, пропустивши

цезуру,

Правой ноздрею свистит, левую руку подняв.

Далее под носом он указательным пальцем

проводит.

Эх, до чего ж хорошо! Так и сморкался б

весь день.

Закукарекал петух, завизжали в грязи поросята,

Бык заревел и в гробу перевернулся Гомер.

1926.

М. С В Е Т Л О В

ЛИРИЧЕСКИЙ СОН

Я видел сегодня
Лирический сон
И сном этим странным
Весьма поражен.
Серьезное дело
Поручено мне:
Давлю сапогами
Клопов на стене.
Большая работа,
Высокая честь,
Когда под рукой
Насекомые есть.
Клопиные трупы
Усеяли пол.
Вдруг дверь отворилась,
И Гейне вошел.
Талантливый малый,
Немецкий поэт.
Вошел и сказал он:
— Светлову привет!
Я прыгнул с крозати
И шаркнул ногой:
— Садитесь, пожалуйста,
Мой дорогой!

Присядьте, прошу вас,
На эту тахту,
Стихи и поэмы
Сейчас вам прочту!..
Гляжу я на гостя —
Он бел, как стена,
И с ужасом шепчет:
— Спасибо, не на...
Да, Гейне воскликнул:
— Товарищ Светлов!
Не надо, не надо,
Не надо стихов!

1930.

И. СЕЛЬВИНСКИЙ

ЙЕХАЛИ ДА ЙЕХАЛИ

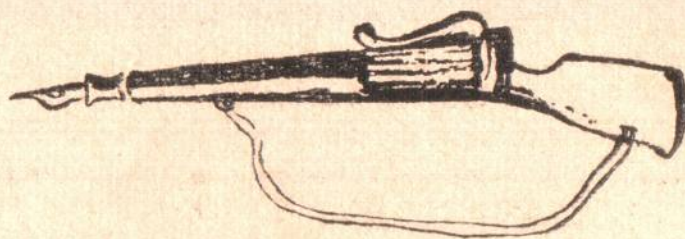
Йёхали ды кóнстры, йёхали ды мóнстры
Инберы-Вiнберы губы пò чубáм.
Йёхали копóнстры па лугу па вскóму
Выверчённым шляхом чэрèз Зиф в Гóсиздáт.

А по-á-середке бáтько Селэвинский.
В окуляры зиркает атамáн Илья:
— Гэй, ну-тэ, хлòпцы, à куды Зэлиньский
А куды да ку-куды вин зáгинàе шлях?

Гáйда-адуйда, гэйда, уля-лай-да
Барысо агапáйда ды эл-цэ-кá.
Гей, вы коня-аги биз? несы асм? усы!
Лóкали-за цóкали-за гò-пà-кá!

Йёхали ды кóнстры, йёхали ды мóнстры,
А бузук Володь!ика та зáдàл дрáп.
Щатàли-си, мотали-си, в сторону поддàли-си,
Мурун-дук по тылици и-áйда в Рапп!

1930.

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННОКИ

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

Я приближался к месту моего назначения.

Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или, точнее, по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, обратился ко мне и сказал: «Барин, не прикажешь ли воротиться?»

— Это зачем?

«Время ненадежное: ветер слегка подымается; — вишь, как он сметает порошу».

— Что ж за беда?

«А видишь там что?» (ямщик указал кнутом на восток).

Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

«А вон — вон: это облачко».

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдаленный холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

А. ПУШКИН «Капитанская дочка» (глава II).

Е. ГАБРИЛОВИЧ

Я приближался. К месту моего назначения. Это было в конце декабря. Позапрошлого года. В девять утра по московскому времени.

Вокруг меня были пустыни. Они простирались. Они были печальны. Они были пересечены холмами. Они были пересечены оврагами. Они были покрыты снегом. Это был добротный снег. Он скрипел. Он похрустывал. Он сверкал. Он синел. Он не таял. Он лежал.

Я посмотрел на солнце. Это было ржавое солнце. Это было старорежимное солнце. Оно опускалось. Оно сползало. Оно садилось. Я подумал, что точно так же оно садится в Москве. В Краснопресненском районе. Мне стало грустно. Я вспомнил моих друзей. Я вспомнил знакомых. Я вспомнил родных.

Наша кибитка ехала. Это была старая кибитка. Она стонала. Она охала. Она вздрагивала. Она ехала. Она ехала по дороге. Она ехала по следу. Он был узок. Он был проложен санями. Это были крестьянские сани.

Вдруг ямщик стал посматривать. Он посмотрел в сторону. Он крикнул. Он высморкался. Он сплюнул. Он рыгнул. Он снял шапку. Он обратился ко мне. Он открыл рот. Он сказал: не прикажу ли я воротиться?

Я высунулся из кибитки. Я увидел пустыню. Это была печальная пустыня. Я увидел степь. Это была белая степь. Я увидел небо. Это было ясное небо. Подымался ветер. Он подымался слегка. Он подымался нехотя. Он сметал порошу.

Ямщик волновался. Он надел шапку. Он крикнул. Он высморкался. Он сплюнул. Он рыгнул. Он ударил рукавицей об рукавицу. Он ткнул кнутом на восток.

Я посмотрел. Я увидел горизонт. Я увидел край неба. Я увидел холмик. Мне взгрустнулось. Я подумал о крематории. Я подумал о кладбище. Я подумал, что люди смертны. Я ошибся. Это был не холмик. Это было белое облачко. Оно висело. Оно висело, как аэростат. Оно покачивалось. Оно растягивалось. Оно подпрыгивало. Оно предсказывало. Оно предвещало бурю.

Я спешно приближался к географическому месту моего назначения. Вокруг меня простирались хирургические простыни пустынь, пересеченные злокачественными опухольями холмов и черной оспой оврагов. Все было густо посыпано бертолетовой солью снега. Шикарно садилось страшно утопическое солнце.

Крепостническая кибитка, перехваченная склеротическими венами веревок, ехала по узкому каллиграфическому следу. Параллельные линии крестьянских полозьев дружно морщили марлевый бинт дороги.

Вдруг ямщик хлопотливо посмотрел в сторону. Он снял с головы крупнозернистую барашковую шапку и повернул ко мне потрескавшееся, как печеный картофель, лицо кучера диккенсовского дилижанса.

— Барин,— жалобно сказал он, напирая на букву «а»,— не прикажешь ли воротиться?

— Здравсте! — изумленно воскликнул я.— Это зачем?

— Время ненадежное,— мрачно ответил ямщик,— ветер подымается. Вишь, как он накручивает порошу. Чистый кордебалет!

— Что за беда! — беспечно воскликнул я.— Гони, гони. Нечего Ваньку валять!

— А видишь там что? — Ямщик дирижерски ткнул татарским кнутом на восток.

— Черт возьми! Я ничего не вижу!

— А вон-вон, облачко.

Я выглянул из кибитки, как кукушка.

Гуттаперчевое облачко круто висело на краю алюминиевого неба. Оно было похоже на хорошо созревший волдырь. Ветер был суетлив и проворен. Он был похож на престижителя. Ямщик пошевелил деревенскими губами. Они были похожи на высохшие штемпельные подушки. Он панически сообщил, что облачко предвещает бурю.

Я спрятался в кибитку. Она была похожа на обугленный кокон. В ней было темно, как в пушечном стволе неосвещенного метрополитена.

Нашатырный запах поземки дружно ударил мне в нос. Черт подери! У старика был страшно шикарный нюх.

Это действительно приближался доброкачественный, хорошо срепетированный буря.

С тем смешанным чувством грусти и любопытства, которое бывает у людей, покидающих знакомое прошлое и едущих в неизвестное будущее, я приближался к месту моего назначения.

Вокруг меня простирались пересеченные холмами и оврагами, покрытые снегом поля, от которых веяло той нескрываемой печалью, которая свойственна пространствам, на которых трудится громадное большинство людей для того, чтобы ничтожная кучка так называемого избранного общества, а в сущности, кучка пресыщенных паразитов и тунеядцев, пользовалась плодами чужих рук, наслаждаясь всеми благами той жизни, порядок которой построен на пороках, разврате, лжи, обмане и эксплуатации, считая, что такой порядок не только не безобразен и возмутителен, но правилен и неизменен, потому что он, этот порядок, основанный на пороках, разврате, лжи, обмане и эксплуатации, приятен и выгоден развратной и лживой кучке паразитов и тунеядцев, которой приятней и выгодней, чтобы на нее работало громадное большинство людей, чем если бы она сама работала на кого-нибудь другого.

Даже в том, как садилось солнце, в узком следе крестьянских саней, по которому ехала кибитка, было что-то оскорбительно-смирненное и грустное, вызывающее чувство протеста против того неравенства, которое существует между людьми.

Вдруг ямщик, тревожно посмотрев в сторону, снял шапку, обнаружил такую широкую, желтоватую плешь, которая бывает у людей, очень много, но неудачно думающих о смысле жизни и смерти, и, повернувшись ко мне озабоченное лицо, сказал тем взволнованным голосом, каким говорят в предчувствии надвигающейся опасности:

— Барин, не прикажешь ли воротиться?

— Это зачем? — с чувством удивления спросил я, притворившись, что не замечаю волнения в его голосе.

— А видишь там что? — Ямщик указал кнутом на восток, как бы приглашая меня удостовериться в том, что трезога его не напрасна и имеет все основания к тому, чтобы быть оправданной.

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба, — твердо сказал я, давая понять, что отклоняю приглашение признать правоту его слов.

— А вон-вон: это облачко, — добавил ямщик с чувством, сделав еще более озабоченное и тревожное лицо, как бы желая ска-

зять, что он осуждает мой отказ и нежелание понять ту простую истину, которая так очевидна и которую я, из чувства ложного самолюбия, не хочу признать.

С чувством досады и раздражения, которое бывает у человека, уличенного в неправоте, я понял, что мне нужно выглянуть из кибитки и посмотреть на восток, чтобы увидеть, что то, что я принял за отдаленный холмик, было тем белым облачком, которое, по словам ямщика, предвещало буран.

«Да, он прав,—подумал я.—Это облачко действительно предвещает буран». И мне вдруг стало легко и хорошо, так же, как становится легко и хорошо людям, которые, поборов в себе нехорошее чувство гордости и чванства, мужественно сознаются в своих ошибках, которые они готовы были отстаивать из чувства гордости и ложного самолюбия.

1932.

В. ШКЛОВСКИЙ

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ МОНТАЖ

Я пишу сидя.

Для того, чтобы сесть, нужно согнуть ноги в коленях и наклонить туловище вперед.

Не каждый, умеющий садиться, умеет писать.
Садятся и на извозчика.

От Страстной до Арбата извозчик берет рубль.
Седок сердится.

Я тоже ворчу.

Седок нынче пошел не тот.

Но едем дальше.

Я очень сентиментален.

Люблю путешествовать.

Это потому, что я гениальнее самого себя.

Я обожаю автомобили.

Пеший автомобилью не товарищ.

Лондон славится туманами и автомобилями.

Кстати, о брюках.

Брюки не должны иметь складок.

Так же, как полотно киноэкрана.

В кино важен не сценарист, не режиссер, не оператор, не актеры и не киномеханик, а — я.

Вы меня еще спросите, что такое фабула?

Фабула не сюжет, и сюжет не фабула.

Сюжет можно наворачивать, разворачивать и поворачивать.

Кстати, поворачиваю дальше.

В Мурманске все мужчины ходят в штанах, потому что без штанов очень холодно.

Чтобы иметь штаны, нужно иметь деньги.

Деньги выдают кассиры.

Мой друг Рома Якобсон сказал мне:

— Если бы я не был филологом, я был бы кассиром.

Мы растрачиваем золото времени, накручивая кадры забракованного сценария.

Лев Толстой сказал мне:

— Если бы не было Платона Каратаева, я написал бы о тебе, Витя.

Толстой ходил босиком.

Босяки Горького вгрызаются в сюжет.

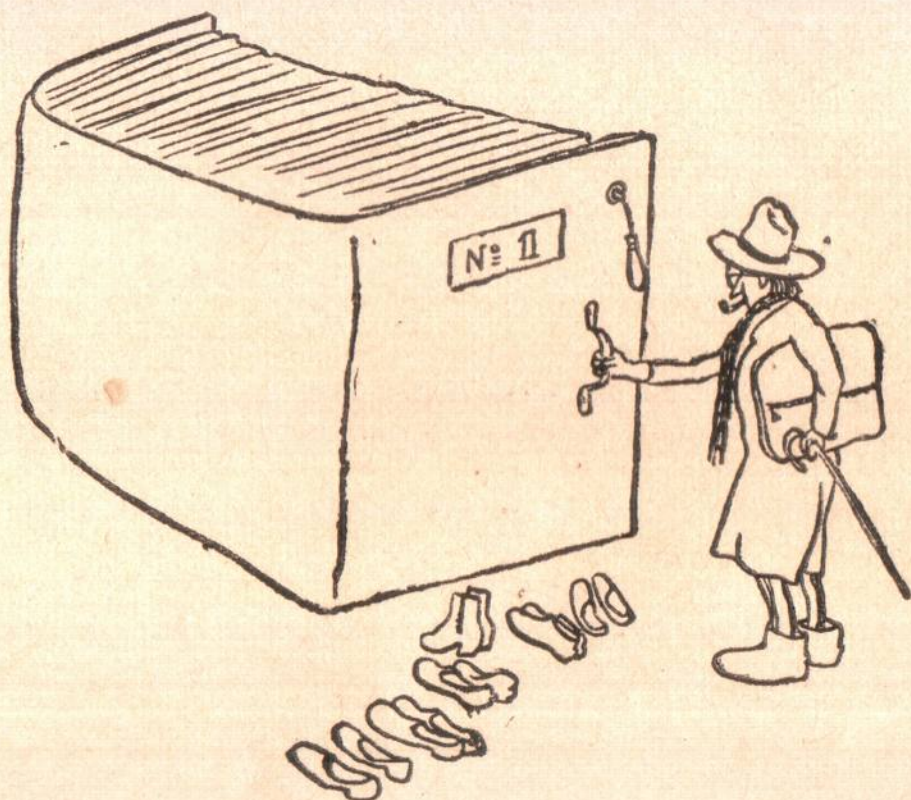
Госиздат грызет авторов.

Лошади кушают овес.

Волга впадает в Каспийское море.

Вот и все.

1926.

ТОЛСТЫЙ ЖУРНАЛ

1

Текущий год уходит. Новый близко.
Редакция в набат рекламный бьет
О том, что принимается подписка
На тыща девятьсот такой-то год.

За сим идет, какого и не знали,
Густой навар жирнейшей лит-ухи,
Что будут напечатаны в журнале
Романы, повести, рассказы и стихи;

Двенадцать пьес, сто сорок три обзора,
Такое же количество статей,
И уголок «сатиры и юмора»,
И образцы фольклора для детей.

Все будет, безусловно, гениально,
Как подобает в наш великий век,
И что журнал ведут коллегиально
По меньшей мере сорок человек.

2

Прими, читатель, подписные фиги,
Глотай литературное пюре,
Вот наконец в одной — четыре книги:
Январь — апрель — выходит в сентябре.

Что говорить, реклама — без обмана.
В журнале все, что обещалось, есть.
Четыре с половиною романа,
Семь повестей, рассказов двадцать шесть;

Пять очерков, стихи и даже пьеса
(Сплошной алмаз, украсивший журнал!)
О том, конечно, как один профессор
Сначала не хотел, потом признал.

Ну, что ж, начнем хотя б с «презренной прозы»,
Вместившейся на четырех листах.
Не велики аптекарские дозы,
И выглядят они примерно так:

ТАЙНА АРЧИБАЛЬДА ФУНКА

Книга первая. Часть первая. Глава первая

— Черт возьми!— вскричал Арчибальд Функ, вытаскивая из-за пазухи страшно ядовитую дохлую фалангу.— Что это значит?

Но не успел Арчибальд до конца продумать случившееся, как в темноте две теплые мягкие женские руки обхватили его шею.

«Какая варварская страна!»— с изумлением подумал Арчибальд, отдаваясь незнакомке.

За окном проходили караваны верблюдов.

Грохотали экскаваторы.

(Продолжение следует.)

ПОСЛЕДНЯЯ У ПОПА ЖИНКА

Роман-эпопея

(Начало в позапрошлогдних №№)

Книга пятая. Часть восьмая. Глава сто восемьдесят шестая.

«Да»,— подумала Ася, входя в комнату, которая напоминала ей то время, в которое она ощущала себя девочкой, которая смотрела на мир чистыми глазами, которые воспринимали все то, которое окружало ее, как некоторые прекрасные декорации. «Да,— подумала она еще раз.— Я чувствую, что...»

(Продолжение в будущем году.)

КРУТОЙ ЗАМЕС

Р о м а н

Книга вторая. Часть третья. Глава одиннадцатая.

Главный инженер Антимонов взбычился у стола, уставясь на предзавкома выпуклыми, склеротическими глазами, словно баран на новые ворота. Моржовые усы его несдержанно вздрагивали от еле сдерживаемой ярости.

— Ну?— гмыкнул он, взбыв шею.

— А ты не нукай,— брызнул на него смешинками предзавкома.— Ты не фуфырься. Заткни ноздрю.

— Ах, вот как!— прохрипел Антимонов.— Прекрасно. В таком случае...

(Продолжение следует.)

ПРОЗРЕЛ

Пьеса в 3 действиях

Действующие лица:

ПОЧКИН Николай Николаевич — профессор, беспартийный, 68 лет.
НИНА — его дочь, сочувствующая, 19 лет.
ЭЛЕКТРОНОВ — инженер, партийный, 28 лет.

Действие первое

НИНА. Папа, ты не прав.

ПРОФЕССОР. Не будем спорить. Ты ничего не понимаешь. Жизнь ужасна.

НИНА. Папа, ты заблуждаешься. Посмотри вокруг себя.

ПРОФЕССОР. Не хочу!

НИНА. Отец!

ПРОФЕССОР. Оставь меня. (Играет на арфе.)

Действие второе

ЭЛЕКТРОНОВ. Нет, дорогой профессор, вы не правы.

ПРОФЕССОР. Молодой человек, вы еще слишком молоды.

ЭЛЕКТРОНОВ. Профессор, вы глубоко заблуждаетесь. Посмотрите вокруг себя.

ПРОФЕССОР. Не хочу!

ЭЛЕКТРОНОВ. Николай Николаевич!

ПРОФЕССОР. Не будем спорить! (Играет на тромбоне.)

Действие третье

НИНА. Папа! Ты все-таки не прав. Посмотри вокруг себя!

ЭЛЕКТРОНОВ. Профессор! Вы заблуждаетесь. Посмотрите! Жизнь прекрасна!

ПРОФЕССОР (прозрев) Да. Вы правы. Я заблуждался!

НИНА. Отец!

ЭЛЕКТРОНОВ. Николай Николаевич!!!

ПРОФЕССОР. Вы прозрели меня. Я счастлив, дети мои! Да, жизнь прекрасна! Любите науку и друг друга!

Нина и Электронов обнимают профессора. Дуэт арфы и тромбона.

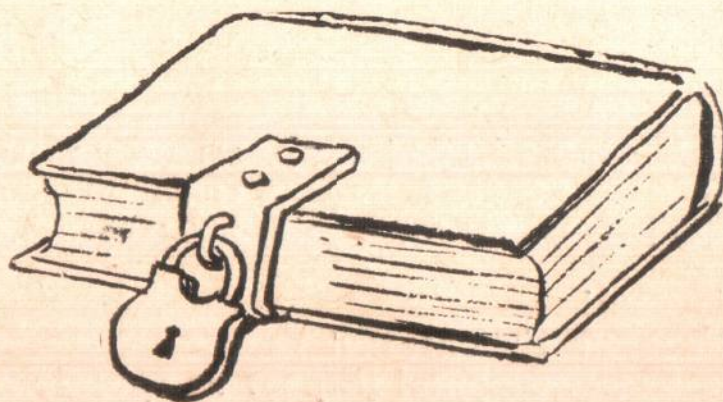
(Занавес)

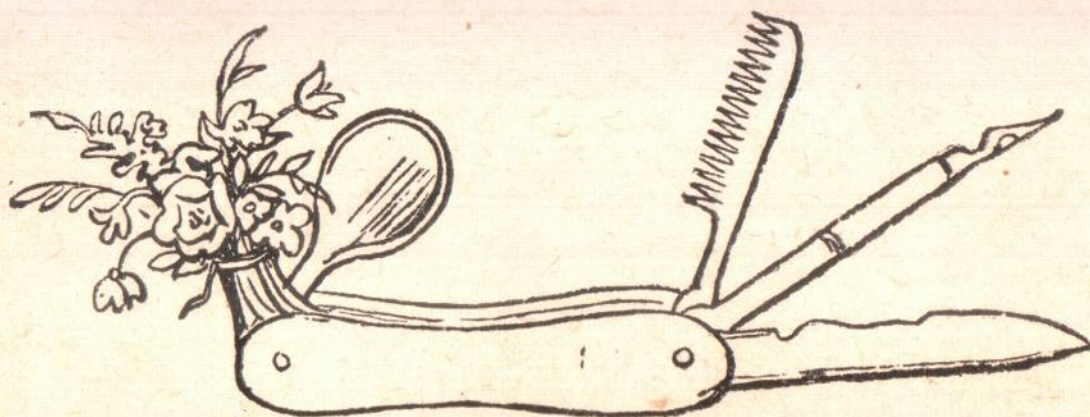
Замечиныи апичатки

Напичатано
Кароста
печатный
брились
фиги
книги
Редактор

Следует четать
красота
пичальный
боролись
книги
фиги
ридакцеоная калегия
и так далее.

1935.

М Е М У А Р Ы

Литературные воспоминания

Аделаиды Юрьевны

Милославской-Грациевич

Под редакцией Корнеплодия Чубуковского

От редактора:

Автор воспоминаний Аделаида Юрьевна Милославская — вдова поручика артиллерии Иоаникиея Степановича Грациевич, умершего в конце прошлого столетия от крупозного воспаления легких.

Воспоминания Милославской-Грациевич рисуют яркую картину тех тусклых условий, среди которых приходилось жить и бороться поколению людей конца прошлого столетия.

В заключение считаем долгом выразить глубочайшую благодарность Матильде Иоаникиевне Грациевич-Сидоровой за любезно представленную метрическую выпись автора воспоминаний.

КОРНЕПЛОДИЙ ЧУБУКОВСКИЙ

Прадед. Прабабка. Дед. Бабушка. Братья прадеда. Сестры прадеда. Братья деда. Сестры деда. Отец. Мать. Братья и сестры отца. Дядя. Тетя. Переезд в Березкино. День ангела деда.

Прадед мой Мстислав Иоаннович Милославский был женат на Елизавете Петровне, урожденной Кочубеевой, и от их брака появились дети: Алексей, Юрий, Сергей, Ростислав, Митрофан, Василий, Анна, Мария и Марфа.

Алексей вскоре умер. Ростислав, Митрофан, Мария и Анна также умерли в раннем возрасте.

Из оставшихся в живых Юрий Мстиславович женился на Анне Иоанновне, урожденной Загорской, которая умерла, оставив ему детей: Аделаиду, Петра, Юрия, Алексея и Евангелину.

Братья прадеда Святополк и Ананий вышли в отставку: первый — в чине генерал-майора, второй — полковника. Вячеслав же умер от воспаления слепой кишки.

Что касается сестер, то они умерли в преклонном возрасте.

Братья деда моего Степан и Василий и сестры Евдоксия, Степанида и Агния переехали в Рязанскую губернию, где до самой смерти занимались рукоделием и сельским хозяйством.

После болезни дяди Вани и скоропостижной кончины тети Мани мы переехали в Березкино, где справляли день ангела дедушки, который и умер немного погодя от грудной жабы.

Замужество. Знакомство с Пушкиным, Гоголем, Грибоедовым. Иван Изанович Трубадуров. Смерть мужа. Переезд в Петербург. Гончаров. Толстоевский. Тынянов. Лев Толстой.

По смерти дедушки я вскоре познакомилась с моим будущим мужем — Иоаникием Степановичем Грациевич.

Отец его, Степан Иоаникиевич Грациевич, был женат на Федоре Максимилиановне, урожденной Святополковой, умершей от родов и оставившей детей: Иоаникея, Акилину, Димитрия и близнецов: Анания, Азария и Мисаила.

Муж мой, будучи в чине поручика артиллерии, любил литературу и познакомил меня с произведениями Александра Сергеевича Пушкина, Николая Васильевича Гоголя и Александра Сергеевича Грибоедова.

Бессмертную комедию «Горе от ума» читывал нам вслух сосед наш Иван Иванович Трубадуров, женатый на дочери нашего духовника, умершего от рака печени.

Вскоре скончался и муж мой от заворота кишок, поев горячего хлеба.

Оставшись вдовой, я решила посвятить себя литературным воспоминаниям, для чего переехала в Петербург.

Во втором томе своих воспоминаний я расскажу о знакомстве с Гончаровым, Толстоевским и Тыняновым.

А сейчас, вспоминая и оглядываясь на пройденный путь, не могу не воскликнуть словами нашего великого писателя земли русской Льва Николаевича Толстого, женатого на Софье Андреевне:

«Счастливая, невозвратная пора — детство».

Счастливая эпоха, в которой мне довелось жить и бороться!

ГАСТРОЛИ РИФМАЧА-КУДРЯВИЧА

Ликуй, читательская масса!
Вещает свежий репортаж:
«Вчера поэт, сойдя с Парнаса,
Изволил выехать в вояж».

Приятно и полезно в марте
Спуститься из Москвы в Тифлис,
И потому маршрут на карте
Один и тот же — сверху вниз.

Еще приятней по дороге
Стихами осыпать страну.
Одна осыпка в Таганроге,
Пять — шесть — в Ростове-на-Дону.

Две с половиной в Армавире,
И так до самого конца
Рукой рассеянной по лире
Бряцать и потрясать сердца.

Простясь с вагоном-рестораном,
Как молодой, красивый бог,
Рифмач-Кудрявич с чемоданом
Въезжает в тихий Таганрог.

Он осчастливит тех, которых
Здесь заедают сон и тишь!
На сонных тумбах и заборах
Уже сияет текст афиш.

Семь. Восемь. Восемь с половиной.
Но вот в партере гаснет свет.
Из-за кулис походкой львиной
На сцену шествует поэт.

Явление в грозе и буре.
Тропический словесный дождь.
Коль славен он в литературе —
Пророк! Иеремия! Вождь!

Он обличает. Он неистов.
Глаза — огонь, язык, как меч.
(Как жаль, что нет стенографисток,
Чтоб передать потомкам речь!)

Что гениев, конечно, травят,
Что поэтических имен
Глуп и бездарен весь алфавит,
Лишь он талантлив и умен.

Излив на публику потоки
Архиораторской ухи,
Наш Цицерон, сжимая сроки,
Читает, наконец, стихи.

Минуты расставанья близки
(Давно поэта ждет авто).
Он отвечает на записки
Уже в калошах и пальто.

— «Скажите, как работал Пушкин?»
— Довольно быстро. Так, как я.
Я, например, поэму «Стружки»
Писал всего четыре дня.

— «Что нужно, чтобы стать поэтом?
Стишками я давно грешу!»
— Читайте Байрона, при этом
Пишите так, как я пишу.

— «Вас обругали в «Литгазете»
Хал...»
— Тут неясная строка.
Позвольте на вопросы эти
Ответить... завтра. Ну, пока!

И, помахав приветно ручкой
В прозревший театральный зал,
Рифмач-Кудрявич легкой тучкой
Летит со сцены на вокзал.

Что дальше? Ясно. Крупным планом
Поэт, приветствуя весну,
Все с тем же верным чемоданом
Сойдет в Ростове-на-Дону.

Сойдет он также в Армавире,
В Прилуках, Сызрани, в Перми...
Да! Хорошо бряцать на лире
И очень просто, черт возьми!

1935.

ЭПИГРАММЫ

Л. КАССИЛЬ

Скажу и двадцать лет спустя:
Кассиль — способное дитя.

М. ШАГИНЯН

Широту ее размаха
Не уложишь в писчий лист.
Поэтесса, лектор, пряха,
Шерстовец и романист.

Б. ПАСТЕРНАК

Все изменяется под нашим зодиаком,
Но Пастернак остался Пастернаком.

Н. ТИХОНОВ

В свои стихи за десять лет
Он браги влил большую дозу.
Читатель пьян, но трезв поэт
И перекочевал на прозу.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Индустриальная деталь
Его ударной директивы:
Он делает стихами сталь
И ликвидирует прорывы.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

Для берегов отчизны дальней,
Покинув конструктивный кров,
В статьях изысканно суров,
И всех и вся ортодоксальней.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

О нем не повторю чужих острот.
Пусть моя звучит свежо и ново:
Родился предисловием вперед
И произнес вступительное слово.

К. СТАНИСЛАВСКИЙ

В нем каждый атом
Дышит Мхатом.

08
14-7
Цена 80 коп.

